

A woman with long brown hair, wearing a brown coat, blue jeans, and yellow boots, is walking away from the camera on a wooden bridge. She has a brown backpack. The bridge is made of wooden planks and has wooden railings on both sides. The bridge is surrounded by trees with vibrant autumn foliage in shades of orange, yellow, and red. In the background, there are large, dark rock formations and a misty atmosphere. The overall scene is a scenic view of a forest path during autumn.

Тамара Решич

Бадяга и другие жизненные истории

Тамара Решич

**Бадяга и другие
жизнейские истории**

«Автор»

2026

Решич Т.

Бадяга и другие житейские истории / Т. Решич — «Автор», 2026

В этой книге каждый узнает себя. Каждый, кто проходит через боль, расставание, предательство, всю эту взрослую жизнь. Выбираться из этого можно по-разному. Но самое важное - сохранить тепло в душе. Просто поверьте, это важно не для кого-то: соседа, знакомого, друга. Это важно для вас самих. Обнимаю каждого.

© Решич Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
БАДЯГА	6
КЛУБОК ЗМЕЙ	8
Хлеб	10
Шептуха	11

Тамара Решич

Бадяга и другие житейские истории

От автора

Перед вами сборник смешных, грустных, добрых и злых историй. Буду публиковать их по очереди. После прочтения этой книги вы точно придете к мысли, что автору нужна терапия. И будете правы. Я и сама так думаю. Каждый день. Но в какой-то момент пришла к выводу, что иногда терапия – это не просто кабинет с кушеткой и специалист. Иногда терапия – это громко, неудобно и во весь голос сказать, о чем обычно молчат. Книга, которую вы со временем прочтете, это материальное желание сказать лицемерию этого мира «Стоп! Так нельзя».

Долго спрашивала себя: имею ли право вываливать все это на читателя? Сложный моральный вопрос. Тяжелый выбор. Но молчание – это тоже про выбор. Молчание – это согласие. На манипуляции, использование, ложь, подмену фактов выгодной правды и замалчивание невыгодной.

Я больше не согласна. Поэтому здесь вас ждут не просто истории. Это публичное обещание больше не быть "молчаливой никем". Это не месть или желание высказать «все обиды мира». А чтобы каждого, кто прошел через ад, мысленно обнять. И подарить чуть-чуть тепла и надежды.

Я прошла эту дорогу. И выбралась. И теперь ваша очередь понять, что вы сами и есть ваш главный болельщик и опора даже, когда кажется, что весь мир против вас.

В этой книге — я настоящая. Без прикрас. Со всей моей болью, которая постепенно превращается в тепло. И этим теплом я хочу поделиться с вами. Дайте знать, если вы тоже прошли через ад и сумели выстоять. Нас миллионы.

С уважением, Тамара Решич

БАДЯГА

Однажды, придя домой, я увидела у подъезда толпу людей. И точно знала, что именно я стала причиной этого «собрания». А все началось с бадяги.

Если вдруг вы не знаете, то бадяга – это такое аптечное средство от синяков. Его делают из измельченной колонии губок из семейства бадяговых. Смысл в том, что губку сначала высушивают, затем измельчают, а затем наносят на кожу. И после нанесения «миллион иголочек бадяги оживает, впивается в кожу и застревает там надолго и вот так механически кожа обновляется. Актуально от синяков».

Говорят, хорошо помогает. Мне тогда было лет 25-27 и я активно зависала в VK. Надо сказать, что в 2012-2013-м VK все еще был кладезем полезных и не очень советов. И вот в ленте я увидела чудо-средство "для нежной кожи" – бадягу. Деталей не помню, но смысл был в том, что нужно было это средство развести и нанести на кожу, которую хочешь взбодрить. А так как критическое мышление в тот раз вышло из чата, купила сразу две пачки в ближайшей аптеке.

Наконец настал вечер омоложения. Приготовилась: набрала ванную воды, помыла волосы и, предвкушая эффект, развела бадягу по инструкции и нанесла ее на кожу лица прямо голыми руками сразу содержимое двух пакетиков...

О том, что что-то идет не так я почувствовала мгновенно! Руки, ноги, где капнула «омолаживающая разведенная бадяга» начинало жечь огнем, лицо горело! Но я с упорством осла наносила кашицу на лицо. По инструкции полагалось выдерживать маску 10 минут. Не выдержала и трех. Лицо, руки горели адским пламенем даже после того, как я смыла всю маску. Кожа покраснела и отекала. А на утро мне предстояло пойти на работу в исключительно мужской коллектив. Утром ситуация была еще хуже - лицо было похоже на раздувшееся месиво, а если дотронуться еще и горело, как будто в кожу впивалось сразу несколько сотен иголочек.

«Красоту», не удалось убрать ни тональным кремом, ни пудрой – я выглядела так страшно и стремно, что меня можно было сравнить с алкашом с 20-летним стажем. Сказать, что мои коллеги были в шоке не сказать ничего. Но, как ни странно, мужчины сочувствовали. Смотрели на меня и украдкой интересовались «моими веселыми выходными», сочувственно похлопывали по плечу, мол "держишь, брат". А я радовалась, что моя работа на радио в тот день не предполагала выход к людям.

На следующий день я буквально отказалась выходить на улицу из-за своего вида и попросила отгул. Сидеть без дела мне было очень скучно и я придумала себе репортаж в стиле "испытано на себе".

А тема пришла так. Тогда, да и сейчас, мой коллега творческий редактор Витя очень любил тему «расчёты коммунальных платежей». Надо сказать, что и мне эта тема «заходила» на ура – я готова была ковыряться в каждом из показателей и в каждой строчке «жировки», донимая чиновников разных уровней и операторов расчетных центров на местах, что значит и как рассчитывается тот или иной показатель. По тому, насколько у нас не отрегулирована эта тема и каждый сотрудник сферы ЖКХ на местах понимал ее по-своему, можно было писать диссертации. Представьте себе ситуацию, когда ты звонишь в рандомно выбранный РСЦ (расчетно-справочный центр - прим. автора) и спрашиваешь, как рассчитывается такой показатель в жировке как «техобслуживание», что сюда включается. Будьте уверены, набрав несколько номеров вы услышали бы совершенно разные версии, буквально – на что хватает фантазии у человека, который принимает звонки. Противоречия никого особенно не смущали, как и не смущает то, что каждый год мы слышим, что «не оплачиваем и 100% коммуналки», но когда наступят эти 100% никто не может сказать.

Кроме строки «техобслуживание» интереснее была лишь строчка «отчисления на капремонт». Так вот в день вынужденного отгула я предложила редактору тему: давай фактически подсчитаем, сколько стоит помыть один подъезд и что в эту сумму входит и почему на этой почве неразбериха. Согласовав ее, я взялась за работу: перчатки, швабра, тряпка, веник и ведро воды и я пошла драить подъезд. То есть испытать все на себе - время, средства, трудозатраты.

Во-первых, нужно было сделать фото, а во-вторых, если я говорила, что «помыла», значит и правда его помыла. К тому же мне нужны были живые комментарии жителей дома, их реакция, эмоции и лучшего способа их получить на тот момент я не придумала как получить. Но с лихвой получила во время уборки.

Я двигалась с 9-го этажа до 1-го. Логика была максимально простой: я жила тогда на 9-м этаже и мне просто было удобно убрать свою лестничную площадку и идти дальше.

Репортаж получился хорошим. Настолько эффектным, что потом про мой эксперимент снимали видео-репортаж на каком-то канале, а текст перепечатали все ведущие СМИ.

Тем временем мое лицо немного отошло и в пятницу поехала в офис. Кожа после бадяги и правда стала лучше, но не повторяйте этот опыт (!) – сожжете кожу и еще не известно, повезет ли вам так же как и мне. Возвращаясь вечером с работы, издали увидела у нашего подъезда толпу людей и несколько очень официально одетых специалистов. То, что это специалисты не вызывало сомнений: оказалось, представителей ЖЭСа и администрации Фрунзенского района г. Минска. Люди кричали про «отвратительную уборку подъезда, спрашивали, куда уходят их деньги и почему они вынуждены жить в грязи» и платить за это. Люди из администрации махали бумагами с печатями и их возражения тонули в общем гуле недовольства. Вот так обычная бадяга преподала мне классный урок: порой самые дурацкие решения приводят к самым неожиданным последствиям. Я хотела обновить кожу - а "обновила" подъезд и чуть не развязала бунт. Жалею только, что не хватило духу тогда к ним выйти. Может, в следующий раз.

КЛУБОК ЗМЕЙ

Родить – это никогда не забыть, как это было. Детали, запахи, погода за окном запоминаются навсегда, а рост, вес и шкалу Апгар ты помнишь, даже если тебя поднимут среди ночи в полубессознательном состоянии. Ты прохрипишь заветные цифры.

А вот все, что с тобой происходит в роддоме до, забывается. И лишь спустя время ты оцениваешь и осознаешь действия других людей в тот момент, когда ты была уязвима.

Когда мне предстояла операция кесарева, я вдруг поняла, почему девочкам перед наркозом не хочется есть и пить. Время пролетает мгновенно. Ни о каком «есть, пить» даже не думаешь. Даже губы промочить не хочется. Забываешь об этом и на следующий день. И на следующий – заставляешь себя, потому что после родов нужны силы.

Страшно было только в коридоре операционной. Сердце замерло от внезапного завывающего «Помогите!» – в соседнем родзале рожала девочка, а ее хором стыдили медсестры или санитарки:

– Ну-ну, чего разоралась, все рожают. А беременеть было не больно?

Несмотря на собственное волнение, мне захотелось им врезать. За то, что пользуются уязвимостью роженицы.

Таких моментов в роддоме много. Ведь какой смысл в словах анестезиолога, что надо худеть той, кого в полуживом состоянии перекладывают на каталку и отвозят в реанимацию после кесарева? Это запоминается. Но в моменте, в страхе и уязвимости на многое закрываешь глаза и анализируешь много позже, где-то в глубине придумывая, как можно было бы ответить.

Наутро после кесарева меня перевели в палату и принесли дочку. Я подняла на руки свои почти 4 килограмма счастья и у меня открылось кровотечение. Кровь, выделения буквально полились по ногам, полу, заливая все вокруг. Я пыталась вытереть салфетками, полотенцем, но она не останавливалась, а наклониться и вытереть все у меня не было сил. Позвала санитарку, а она зло выговаривала мне за "вот наделала делов". Кровь плохо смывается с линолеума в палате.

Я старалась не замечать этой усталости медсестер, врачей и их нападков. После родов дышала только дочкой. Мне было все равно на упреки, на грубое "прикладывание к груди, комментарии, что грудь какая-то не такая и надо было учиться кормить". Пелена спала лишь после того, как у малышки вдруг после осмотра медсестры пошла кровь из пуповины. Как это произошло — не знаю. Какая дурка выстрелила в голове медсестры — тем более. Но я будто очнулась. Мне стало так страшно, что я буквально захлебнулась от отчаяния.

Но было что-то еще. Ярость. Во мне поднялась животная ярость и страх за своего ребенка. Как и любая мама за тысячи лет до меня и после меня я вдруг поняла, что не задумываясь убью за своего малыша. Я подняла на ноги всех, до кого смогла дотянуться. Дочку осмотрели, обработали пуповину, я немного пришла в себя. И только тогда в тишине я услышала их...

В соседних палатах, в соседних "гнездах", другие мамы шипели своим «кулечкам»: «ш-ш-ш-ш», «тише-тише». Укачивали новорожденных как умели. И сами были клубком змей. Почти у всех были первые роды, и интуитивно мы так успокаивали пищавших малышей. Мы шипели не друг на друга. Мы шипели на хаос. На боль и страх. На то, что пока не понимаем, как дальше строить жизнь.

Прошло несколько лет. Из памяти выветрились бессонные ночи, хамство, переживания и имена тех, с кем мы делили одну палату, едва став мамами.

Смотрю, как дочка спит в своей кроватке, раскинувшись «звездочкой». Она любит лечь попозже и, если не нужно в школу, примерно так же встать – успешно практикует: «Я же сова,

и спать скуучно, не устала». Я, как и сотни женщин до меня, украдкой наблюдаю за своим ребенком.

И вдруг вспоминаю ту палату. Тех женщин. То бесконечное усталое «ш-ш-ш».

Мы больше никогда не виделись с соседками по палате и вряд ли когда-то узнаем друг друга. Но иногда мне кажется, что, проезжая мимо роддома, я слышу тихое успокаивающее «ш-ш-ш».

Потому что каждую ночь новая палата превращается в клубок змей. И каждая новая мама учится шипеть. Выдыхать, выживать. И бесконечно любить.

Хлеб

90-е запомнились каждому по-своему. Мои 90-е - это первый школьный год. Мы жили в Беларуси, в деревне. У нас не было особенных проблем с едой: все выращивалось на грядках и легко превращалось в еду. А большое хозяйство – корова, куры, свиньи давали нужные продукты. Вкусное мясо и сало с мясной прослойкой и тонкой шкуркой с чесноком, домашние яйца, молоко, сметана, масло и простокваша.

Нам не приходилось стоять в очередях за какими-то очень нужными коврами, люстрами или сервизами. Наша еда - скибка хлеба, слегка смоченная водой и щедро окунутая в сахар. Такой нехитрый десерт надолго давал чувство насыщения. Особенно вкусно было с хрустящей свежей корочкой "черного" хлеба. Мне не было грустно от этого факта - хотя бы потому, что других десертов я просто не знала. У меня не было шоколадок, торты никто не пек - не работала духовка. Максимум, на что мы могли рассчитывать, - это пироги на Пасху один раз в год, разноцветные леденцы из магазина или бледно-голубые карамельки без оберток и вот такая скибка с сахаром. О том, что пироги можно печь и не только на Пасху, я поняла много позже. Как, впрочем, и то, что оливье или голубцы можно готовить по желанию в любой день. То, чего не хватало мы придумывали или искали способ восполнить. Например, одежду и обувь донашивали за старшими, а первая собственная обувь у меня появилась лишь к линейке в 5-м классе: и я буквально дышала над дешевыми лаковыми туфельками с крошечным бантиком и считала их верхом совершенства. Мои...

Лето 1991 года запомнилось жарким, засушливым. Наступал август, тот самый бархатный сезон, когда днем еще очень тепло, а по вечерам тянет прохладой и нет ветра и запах жареной картошки, щедро присыпанной свежим укропом разносится далеко по округе. В деревню хлеб привозили раз в день, а иногда и раз в несколько дней. В очереди стояли в основном дети, и науку «кто за кем крайний» и «вас тут не стояло» мы постигали с шести-семи лет. В очередях стояли в основном дети. Мы с подружкой за компанию ходили за хлебом и могли ждать его целый день. Машины с буханками «черного» (ржаного) и батонами часто ломались, не доезжали до деревни, а хлеба привозили так мало, что его не хватало на всех. Таким были наши 90-е: система большой страны сломалась, а маленькая страна не успела встать на рельсы.

В тот день хлеб мы ждали у «Орса» - так по-уличному называли магазин - почти целый день. Успели обсудить все на свете, послушаться тихих разговоров женщин в пестрых платках, вдоволь покопаться в речном песке. В жару он был текучим, легко перетекал между пальцами, его удивительно приятно было месить босыми ногами. А машины с облезлой надписью "Хлеб" все не было. Мы начали чувствовать голод и нетерпение. Солнце начало садиться, а машины все не было. Хлеб был нужен позарез - на следующий день папа должен был пойти за статком и ему нужно было что-то взять на обед. Сало, овощи были, но без хлеба есть это все было невкусно и непривычно. В какой-то момент у меня окончательно лопнуло терпение и я начала рассуждать, что пора бы идти домой и хлеба сегодня не будет. И от шаг за шагом я медленно отступала домой. Мне было одновременно стыдно и неловко, но голод и усталость взяли свое. Так шаг за шагом я дошла до поворота, когда еще могла видеть магазин и решительно пошла домой. Хлеб привезли через 20 минут после моего ухода.

Папа одолжил хлеб у родителей и ушел за статком - пасти коров. Мне этот хлеб не лез в горло еще очень долго. Молчаливый упрек родителей был страшнее ругани. Вот, мол, не дождалась. И в поле не работала, и хлеба не достала. Выходит, целый день бездельничала у магазина. Не было скидки, что ты ребенок и просто устал весь день ждать хлеб. Если ты пошел за хлебом, ты обязан был его добыть. Была в этой истории и полезная сторона - мама научилась печь хлеб в печи на дубовых листочках. Наконец-то мы что-то пекли не в праздники.

Шептуха

После учебы я отрабатывала диплом в деревенской школе. Деревня находилась всего в десяти километрах от большого города и снимать квартиру в городе было удобнее. Шел второй год обязательной отработки. Я снимала комнату в городе и ездила на работу каждый день в деревенском автобусе, обратно - на попутке. Такая заведенка была принята среди местных и довольно успешно практиковалась всеми и считалась безопасной.

По утрам в автобус набивалось множество людей. И вот однажды в первые сентябрьские дни я увидела мужчину. Он сильно выбивался на фоне пестрого пассажиропотока пригородного автобуса. Строгое пальто, короткая стрижка, не очень современный дипломат-чемоданчик. Он сторонился толпы, было ощущение, что ему брезгливо сидеть на сиденьях, отполированных сотнями пассажиров до него, а все эти веселые и шуточные пересмешки пассажиров друг с другом вызывали у него снисходительную ухмылку. Он ни с кем никогда не заговаривал. Но я не придавала этому чувству внимания. Потекли привычные школьные дни, становилось холоднее, пассажир сменил легкий плащ на серое драповое пальто и пусть не стал привычно откликаться на шутки соседей по автобусу, но хотя бы немного пообвыкся. По вечерам я часто ходила в городскую библиотеку, чтобы почитать книги и журналы, подготовить что-то к работе, подготовить дипломную работу или просто развлечься. И вот однажды я встретила этого самого пассажира. Он вроде бы даже обрадовался и предложил прогуляться. Была осень, и темнело очень рано, уже в шесть часов вечера было достаточно темно. Но так как нам было по пути, я согласилась пройти с ним до остановки. "Улица не купленная", вспомнила я известную фразу из любимого фильма. Но тон прогулки не задался с самого начала. Мы шли по улице почти молча, не было вот этого легкого волнения или радости, все было слишком мрачно. Возможно, так действовала темнота и короткие ноябрьские дни, накрапывал дождь вперемешку со снегом. В какой-то момент этот парень сказал, что ему нужно забежать домой и оставить вещи и он продолжит меня провожать.

Я ждала довольно долго и уже собиралась уйти, как он вышел из дома и как ни в чем не бывало предложил пойти посмотреть на его строящийся дом. Вспоминая позже я вдруг поняла, что в тот момент у меня как будто выключилось чувство самосохранения и я послушно пошла за этим парнем.

Мы незаметно дошли до окраины города, на новую улицу, где строились дома. Там не было нормальной дороги, нормального освещения и, в общем-то, не было людей. Первое правило – «беги туда, гделюдно» – я почему-то проигнорировала. И шла, как зачарованная фокусником змея. Мы зашли в дом. Он и правда был недостроен, но коробка была готова. Внутри стояли строительные леса, лежали стройматериалы, и стул. В доме не было света и мой знакомый подсвечивал все своим телефоном.

Потом он сел на стул и предложил сесть к нему на колени. Он начал меня целовать и шептать какой-то очень странный набор слов, перемешивая свой неудавшийся опыт и мою неуверенность в себе. Он шептал так много, что в какой-то момент я потеряла нить рассуждений. Было что-то про оргазмы, про порчу, про какие-то странные "умения" видеть людей и снимать порчу посредством секса. Мне казалось прошла целая вечность, и в какой-то момент я все же очнулась и внутри содрогнулась от ужаса: что вообще происходит? В уме я лихорадочно начала продумывать варианты отхода. Наконец-то я набралась решимости и резко встала и пошла к выходу. И вдруг обнаружила, что входная дверь заперта...

В этой ситуации я приняла единственно верное решение и холодно приказала: Открывай. Нащупав ключ в дверях я открыла входные двери и вылетела на улицу. Свежий воздух наконец-то наполнил легкие и я буквально побежала в сторону города. Вслед мне неслись проклятия, оскорбления и унижения. Но они отскакивали от меня, я хотела убраться оттуда живой и

невредимой. Пострадала только моя психика. На следующий день, и через день, и через неделю я больше не видела того парня в автобусе. Он словно испарился из моей жизни. Может быть начал ездить на машине. Мне показалось, что он появился в моей жизни лишь как урок самосохранения.